

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕБЫВАНИЯ В КЕЛЬЕ ДЛЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ МОНАХА ПО УЧЕНИЮ «АРОПНТНЕГМАТА PATRUM»

Иеромонах Иоанн (Пахачев)

магистр богословия, секретарь Ученого совета,
старший преподаватель кафедры богословия
Коломенской духовной семинарии
140406, Московская область, г. Коломна, ул. Голутвинская, д. 11,
Коломенская духовная семинария
john-hieromonk@mail.ru

Для цитирования: *Иоанн (Пахачев), иером.* Значение пребывания в келье для духовной жизни монаха по учению «Aprophthegmata Patrum» // Диакрисиc. 2020. № 1 (5). С. 128–141. DOI:10.54700/diakrasis.2020.1.5.006

Аннотация

УДК 27-29

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты сложившегося в раннем египетском монашестве представления о духовном значении одной из аскетических практик — пребывания монаха в келье. Известно, что келья занимала в жизни египетских пустынников особое место: с ней была связана их молитвенная жизнь, подвиги, мистические созерцания. Келья воспринималась не только как земное жилье, но и как место сакральное, место встречи и общения с Богом. Это особое отношение к келье отразилось в памятниках монашеской литературы, в частности в рассматриваемом в статье произведении под названием «Aprophthegmata Patrum». Анализируя данный памятник монашеской литературы, автор статьи стремится, во-первых, выявить и раскрыть ключевые элементы традиции осмысления пребывания в келье, а во-вторых, показать взаимосвязь этих элементов между собой.

Ключевые слова: келья, раннее монашество, монашеская литература, Египет, Aprophthegmata Patrum.

Предисловие

В № 3 (3) журнала «Диакрисис» за 2019 г. нами была опубликована статья, знакомящая читателей с осмыслением аскетической практики пребывания монаха в келье в произведениях двух малоизвестных представителей ранней монашеской литературы Египта — Павла Таммского и Стефана Фиваидского. В настоящей же статье мы постараемся показать, как эта тема осмыслялась в духовном учении раннего египетского монашества в целом. Для этого мы обратимся к одному из важнейших памятников египетской монашеской литературы, условно называемому «Aprophthegmata Patrum» («Изречения отцов»)¹.

На страницах «Aprophthegmata» выражение «сидение в келье» (κάθεσθαι εἰς τὸ κελλίον, аналог выражения «пребывание в келье») встречается достаточно часто. О том, какой смысл вкладывался пустынноиками в это выражение, лучше всего говорит одно из изречений аввы Пимена:

«Брат спрашивал авву Пимена: как должно сидеть в келье? — Старец говорит ему: сидение в келье с внешней стороны состоит в рукоделии, в том, чтобы есть однажды в день, в молчании и поучении; а втайне преспевать в келье, значит носить всюду порицание самого себя, куда бы кто ни пошел, не опускать часов общественной службы и келейных молитв»².

Следуя данному изречению, можно выделить в келейном пребывании две стороны: внешнюю и внутреннюю. Поскольку тема нашей статьи не предполагает подробного разбора внешней стороны³, мы сразу обратимся ко второму аспекту.

¹ О происхождении памятника и его значении в истории раннего монашества см.: *Gould G. The Desert Fathers on Monastic Community. Oxfords, 1993. P. 9–25; Harmless W. Desert Christians: an introduction to the literature of early monasticism. New York, 2004. P. 167–186.*

² Древний патерик, 10.89. Здесь и далее ссылки приводятся по изд.: *Древний патерик, изложенный по главам. М., 2009.*

³ Она изучена достаточно неплохо и к тому же в большинстве случаев сводится к классической триаде «молитва — чтение — рукоделие». См.: *Реньё Л. Повседневная жизнь отцов-пустынников IV века / Пер. с фр., вступ. ст., послесл. и коммент. А.А. Войтенко. М., 2008. С. 106–120; Иоанн (Пахачев), иером. Пребывание в келье как элемент аскетической практики и духовного*

Пребывание в келье как основа подвижнической жизни египетских пустынников

Прежде всего обращает на себя внимание та настойчивость, с которой египетские аскеты, упоминаемые в «Aporphthegmata», говорят о том, что монах, если он хочет достигнуть совершенства, необходимо должен пребывать в уединении в своей келье. Классический пример этого — ставшее хрестоматийным изречение аввы Моисея: «Пойди и сиди в своей келье (κάθισον εἰς τὸ κελλίον σου): келья твоя всему тебя научит»⁴. О том, что эти слова были не частным мнением аввы, но выражением общего духовного предания отцов пустыни, красноречиво свидетельствует рассказ о некоем монахе, который, получив похожий совет от аввы Пафнутия, решил проверить его надежность, спросив о том же Иоанна Колова и Арсения Великого. От всех он услышал один и тот же ответ: сиди в келье⁵. Этот же совет неоднократно повторяется и в изречениях других отцов пустыни⁶.

Египетские анахореты предпочитали келейное уединение всем остальным аспектам подвижнической жизни. Иногда они вели себя довольно странно даже для своих собратьев-монахов. Так, скитский пресвитер Исидор, когда к нему приходил кто-либо из братьев, часто убегал во внутреннюю келью⁷, мотивируя это тем, что «и звери спасаются, убегая в свои логовища»⁸. Тот же Исидор однажды отказался пойти с одним братом на обед, боясь, подобно Адаму, потерять рай через прельщение снедью⁹. Что это был за «рай» в келье пустытника, мы можем только догадываться, но в любом случае боязнь аввы выйти из кельи была чем-то обоснована. Эти примеры показывают, что нечто особое, неповторимо высокое притягивало монахов в тишину

учения египетского монашества IV–V вв. // Труды Коломенской духовной семинарии. Вып. 12. Коломна, 2018. С. 144–157.

⁴ Об авве Моисее, 6. Здесь и далее ссылки приводятся по изд.: Aporphthegmata Patrum // PG. Т. 65. Col. 75–440; рус. пер.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 2005.

⁵ См.: Об авве Пафнутии, 5.

⁶ См.: Об авве Виаре; Об авве Иераксе, 1; Об авве Макарии Египетском, 26, 40.

⁷ О том, что такое «внутренняя келья», см.: Реньё Л. Повседневная жизнь отцов-пустынников IV века. С. 61–62.

⁸ См.: Древний патерик, 2.19.

⁹ См. там же, 4.23.

келейного уединения, заставляя их иногда оставлять без внимания самые необходимые жизненные потребности.

В то же время, разумеется, жизнь всех древних пустынников не могла превращаться в безвыходное затворничество в келье — на это отваживались немногие¹⁰. Большинство монахов время от времени всё же выходили из своих келий для того, чтобы поучаствовать в еженедельных богослужебных собраниях, продать свое рукоделие в близлежащих селениях, посетить кого-либо из «соседей по пустыне» и т.д. Однако общая установка на важность пребывания в келье такими выходами не нарушалась. Это красноречиво иллюстрирует сказание об авве Исааке, который после участия в Евхаристии всегда, «как бы гонимый огнем», спешил уйти в свою келью. Когда его спросили, почему он бежит от братьев, авва ответил: «Я не братий бегаю, но злых козней диавола. Ибо если кто берет зажженную лампаду и медлит, стоя на воздухе, то она погаснет. Так и мы, просвещаемые от Святой Евхаристии, если замедляем вне келии, то ум наш помрачается»¹¹. Другая апофтегма говорит о том, что монах, задерживающийся вне кельи после молитвословия, подвергается ударам демонов, как голубь вне гнезда нападением хищных птиц¹². Эти эпизоды свидетельствуют о том, что, покинув в случае необходимости келью, анахорет стремился как можно быстрее туда вернуться.

Кроме того, не все выходы из кельи воспринимались отцами пустыни как дозволенные. Очень часто в «Aprophthegmata» встречается призыв как можно реже покидать стены кельи, особенно под предлогом посещения братьев или переселения в другое место. Как видно из текста, такие советы в основном получали те монахи, которые были одержимы страстью уныния (ή ἀκηδία). Монаху, одержимому этой страстью, начинало казаться, что он неспособен к подвижнической жизни, что всё, чем он занимается в келье, не приносит ему никакой пользы¹³. В качестве выхода из данной ситуации бес уныния предлагал монаху либо оставить уединение и заняться каким-либо общественно полезным делом (например, служением больным¹⁴), либо

¹⁰ См., например, рассказ об авве Марке Египтянине: Там же, 9.6.

¹¹ Древний патерик, 11.45.

¹² См. там же, 22.2.

¹³ См. там же, 7.32.

¹⁴ См. там же.

пойти посетить старцев, живущих неподалеку¹⁵, либо вообще поменять место жительства, уйдя, к примеру, в киновию¹⁶. Во всех таких ситуациях подвижники призывали монаха, подвергнувшегося искушению, терпеливо пребывать в келье.

Интересно, что при этом многие отцы сознательно позволяли искушаемому монаху некое послабление в подвигах, чтобы таким образом удержать его от оставления кельи. Так, авва Арсений однажды сказал монаху, пришедшему к нему с подобной проблемой: «Ешь, пей, спи, только кельи своей не оставляй». И дальше в тексте апофтегмы дается мотивация такого ответа: «Ибо он знал, что терпение в келье приводит монаха в должный порядок»¹⁷. Знал это авва, видимо, на собственном опыте. То же самое сказал авва Пафнутий брату, оказавшемуся в аналогичной ситуации¹⁸. А некий другой старец, утешая брата, нерадиво живущего в своей келье, посоветовал ему делать хотя бы то малое, что он может, и обнадежил его обещанием, что эти малые подвиги Бог сочтет равными по силе подвигам Антония Великого. «И уверен, — сказал он, — что пребывающий в келье своей ради имени Божия и блюдуший свою совесть находится и сам на месте аввы Антония»¹⁹.

Пребывание в келье и безмолвие

В духовном учении «Aporhthegmata» «сидение в келье» часто связывается с фундаментальной категорией аскетического учения отцов пустыни — безмолвием (ἡ ἡσυχία). Эта связь и ее значение для «богословия кельи» отмечаются и большинством исследователей²⁰. Как мы постараемся показать, она также имеет определяющее значение для понимания смысла обоих понятий.

¹⁵ Древний патерик, 10.158.

¹⁶ См.: Об авве Пафнутии, 5.

¹⁷ Древний патерик, 7.32.

¹⁸ См.: Об авве Пафнутии, 5.

¹⁹ Древний патерик, 7.39.

²⁰ См., например: *Harmless W. Desert Christians: an introduction to the literature of early monasticism*. P. 228–229; *Реньё Л. Повседневная жизнь отцов-пустынников IV века*. С. 99.

Термин «ἡσυχία», как замечает митрополит Каллист (Уэр), имеет в аскетической традиции Востока много смысловых оттенков, которые он сводит к четырем основным:

1. «Исихия» как уединение, отшельническое житие. В этом смысле слово «исихия» используется для обозначения отшельничества в противоположность общежительному монашеству.

2. «Исихия» как пребывание в уединенной келье.

3. «Исихия» как «вхождение в себя», как погружение в глубины собственного ума и сердца.

4. «Исихия» как «нищета духа», «совлечение ума», «чистое безмолвие». На этом уровне «исихия» тесно связывается с непрерывной молитвой и созерцанием²¹.

Из приведенной схемы видно, что первые два уровня исихии можно назвать «внешними», а другие два — «внутренними». В «Изречениях отцов» уделено внимание и тому, и другому.

Тема «внешнего» безмолвия, удаления от людей, в «Изречениях» возникает весьма часто. Классическим текстом в этом отношении стала одна из апофтегм об авве Арсени: «Авва Арсений, еще находясь при царском дворе, молился Богу так: Господи! научи меня, как спастись? И был к нему глас: Арсений! бегай от людей — и спасешься»²². Этот посыл — бегать от людей (φυγεῖν τοὺς ἀνθρώπους) — повторяется во многих изречениях²³. Яркий образ, объясняющий эту мысль, дается в одной из апофтегм об авве Антонии: «Как рыба, находясь долго на суше, умирает, так и монахи, находясь долго вне кельи, или пребывая с мирскими людьми, делаются неспособными к подвигу безмолвия. Посему как рыбе необходимо пребывать в воде, так и мы должны пребывать в келье, дабы, оставаясь вне оной, не забыть о внутреннем бдении»²⁴. Уход в тишину кельи рассматривается, таким образом, как необходимое условие для стяжания исихии.

²¹ См.: *Каллист (Уэр), еп. Диоклийский. Внутреннее Царство* / Пер. с англ. Киев, 2003. С. 115–126.

²² Об авве Арсени, 1.

²³ См., например: Об авве Макарии Египетском, 16, 26, 40.

²⁴ Древний патерик, 2.1. Интересно, что в «Житии Антония» эта же апофтегма приводится в несколько иной редакции: вместо слова «келья» стоит «гора». См.: Житие преподобного Антония, 85 // *Афанасий Великий, свт. Творения*. Т. 3. М., 1994. С. 244. О том, какой смысл имел термин «гора»

В то же время отшельники прекрасно знали, что «бегство от других, вхождение в одиночество кельи было только отправной точкой. Реальная цель заключалась в том, что пустынные отцы называли «исихией» в полном смысле этого слова, «грандиозную глубину внутренней тишины»²⁵. Это состояние должно было стать плодом долгой и кропотливой работы подвижника над своей душой. Прп. Антоний Великий говорил, что «кто живет в пустыне и в безмолвии, тот свободен от трех искушений: от искушения слуха, языка и взора; одно только у него искушение — в сердце»²⁶. Это-то искушение безмолвнику предстояло преодолеть, восходя по ступеням духовного возрастания к непрестанной молитве и созерцанию. Одного пространственного удаления от людей за стены кельи тут было явно недостаточно — нужны были духовные делания: плач, память о Боге, молитва — и другие, которых немало знала традиция пустыни. Но для нас важно то, что все эти делания мыслились египетскими отцами именно в контексте келейного уединения²⁷. Именно келья рассматривалась ими как место, где душа безмолвника возрастала, очищалась и приготавливалась к восприятию благодати Духа Святого, к Боговидению и Богоявлению, к вхождению в покой Божественной любви. И именно подвиги, совершаемые в тишине келейного уединения, служили теми средствами, с помощью которых душа подвижника восходит от «внешней» исихии к «внутренней».

Таким образом, мы можем заключить, что с точки зрения духовного предания отцов египетской пустыни «пребывание в келье» и «безмолвие» являются понятиями взаимосвязанными и взаимообусловленными. Безмолвия, с их точки зрения, невозможно достичь без пребывания в келье, пребывание же в келье теряет свой смысл вне безмолвия. На наш взгляд, именно этой взаимосвязью объясняется та осторожность, с какой египетские отшельники

в реалиях жизни древних подвижников, см.: *Лурье В.М.* Призвание Авраама: идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб., 2000. С. 53–55.

²⁵ *Harmless W.* Desert Christians: an introduction to the literature of early monasticism. P. 228.

²⁶ Об авве Антонии, 11.

²⁷ См. классическую в этом отношении апофтегму аввы Руфа, в которой перечень дел, приводящих подвижника к безмолвию, открывается как раз «пребыванием в келье». См.: Об авве Руфе, 1.

выходили за стены кельи. Они боялись потерять «исихию» — ту ниточку, которая соединяла их с Богом и делала их прекрасным Божиим жилищем²⁸.

Внутреннее делание монаха, пребывающего в келье

Говоря о внутреннем делании пребывающего в келье монаха, нужно упомянуть такую категорию аскетического богословия, как «плач» (τὸ πένθος). Плач — это сокрушение о грехах, оплакивание грехов (τὸ κλαύσαι τὰς ἁμαρτίας), соединенное с надеждой на Бога и преданием себя Ему. Именно он является тем первым деланием, которым обязан заниматься в келье каждый монах.

«Авва Аио просил авву Макария дать ему какое-либо наставление. Авва Макарий сказал ему: бегай людей, сиди в келье своей, оплакивай свои грехи (κλαύσον τὰς ἁμαρτίας σου), не люби речей людских — и спасешься»²⁹.

Интересно, что в этом изречении сразу за плачем следует упоминание о молчании и об избегании разговоров с людьми. Это может служить выражением опытного знания подвижников о том, что разговоры изгоняют из души плач. Прямо об этом говорит авва Петр, ученик аввы Лота³⁰. По смыслу этой апофтегмы, пребывание в келье и ограничение общения с людьми являются условием сохранения подвижником плача, в то время как плач, в свою очередь, способствует приобретению душевного покоя, столь необходимого для вхождения в пространство безмолвия.

Вторым деланием, необходимым для обитателей пустынных келий, была память о Боге (ἡ μνήμη τοῦ Θεοῦ). Достигалась она различными способами: молитвенным размышлением над словами Священного Писания, известным нам под названием «μελέτη»³¹; умным

²⁸ См.: Древний патерик, 22.1.

²⁹ Об авве Макарии Египетском, 40.

³⁰ См.: Древний патерик, 11.60.

³¹ О практике «μελέτη» см.: *Еськов К.С.* Философско-антропологический анализ доктрины о молитве древних православных египетских монахов. «Μελέτη των γραφῶν» как прототип Иисусовой молитвы // Научные ведомости

«восхождением на небеса» и поклонением Богу; непосредственно молитвой, в которой пустынноики упражнялись чаще, чем в чем-либо³².

Примечательно, что иногда память о Боге противопоставляется в апофтегмах памяти о людях³³ (очевидно, о тех, которых монахи оставил в миру). «Совершенное делание монаха — внимать Богу неуклонно»³⁴, — а для этого египетские анахореты должны были отделиться от всего, что находилось за стенами кельи. Вот почему авва Иоанн Колов сравнивал пребывание в келье с нахождением человека в темнице: «Сидеть в келье и всегда помнить о Боге — то же, что быть в темнице. Вот что может означать изречение: *в темнице был, и вы пришли ко Мне* (Мф. 25, 36)»³⁵.

Были и более «радикальные» сравнения; скажем, авва Аммон однажды напомнил авве Пимену, слишком обеспокоенному жизнью своего родного брата, о том, что его келья — это его могила: «Пимен! разве ты жив? Поди, седи в своей келье и положи в сердце своем, что уже год, как ты в могиле»³⁶. Образ могилы, безусловно, призван подчеркнуть, что для монаха весь мир, существующий за стенами кельи, должен был «умереть». Соответственно, единственное, что оставалось делать монаху, — устремлять все свои душевные силы к Богу и находить смысл только в предстоянии перед Ним.

Третьим деланием, входящим в число подвигов келейного уединения, является то, что в аскетической литературе получило название «трезвение» (ή νήσις). В самом общем смысле оно означает бдительность, непрестанное внимание к своему внутреннему миру, которое выражается, в частности, в хранении сердца и ума от греховных помыслов. Вот почему нам кажется возможным отождествить понятия «трезвение» и «хранение ума» (ή φυλακή τοῦ νοῦς) или «хранение сердца» (ή φυλακή τῶν ἐνδῶν)³⁷, которые часто встречаются в текстах «Изречений».

БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. № 23 (166). Вып. 26. С. 219–227.

³² См.: Древний патерик, 23.1–16.

³³ См. там же, 11.112, 23.1.

³⁴ Там же, 23.2.

³⁵ Об авве Иоанне Колове, 25.

³⁶ Об авве Пимене, 2.

³⁷ Букв. «хранение внутренних». В греческом тексте «Изречений отцов» оба выражения используются как взаимозаменяемые. См. например, 8-ю апофтегму аввы Агафона: PG. T. 65. Col. 112.

«Трезвение» и «хранение ума» подразумевают два аспекта. Первый, который можно назвать положительным, состоит во всегдашнем памятовании о Боге с трезвенным умом³⁸, и здесь трезвение тесно связывается с темой памятования о Боге и страха Божия. Как верно отмечает Л. Реньё, «отшельник жил постоянно настороже, постоянно во “внимании к самому себе”, согласно известному выражению стоиков, которое у христиан приобрело смысл, отличный от того, что был у языческих учителей морали. Монах бодрствует, чтобы не прогневить Бога, стараясь “сохранить всегда Господа перед очами своими”». Это — внутреннее чувство “страха Божия” в библейском смысле слова, которое не исключает любовь к Богу, но прежде всего выражает убеждение в возможности жить, постоянно находясь перед очами Божиими»³⁹. Дополним лишь, опять же, что эта жизнь мыслилась отцами не абстрактно, но в контексте келейного пребывания.

Другой аспект трезвения подвижники Египта связывали с вниманием к помыслам (λογισμοί). Этот аспект может быть назван как положительным, так и отрицательным, в зависимости от того, какое значение мы усвоим термину «λογισμός». Дело в том, что это слово в памятниках ранней монашеской письменности имеет в большинстве случаев отрицательные коннотации и обозначает мысль или впечатление, привносимое в ум человека извне, от дьявола. Однако в некоторой части текстов оно имеет в виду ум или мыслительную способность человека, его мысли⁴⁰. В «Aporhthegmata» встречаются оба этих значения⁴¹, и это значительно обогащает смысл понятия «трезвение», которое в таком случае может пониматься не только как «отсечение помыслов»⁴² (в смысле прилогов лукавых духов), но и как «собираение помыслов» (в смысле человеческих мыслей). Последнее добавляет еще одну черту в «богословие кельи» египетских отцов — мотив «собираения», восстановления цельности человека, для того чтобы он

³⁸ См.: Древний патерик, 11.41.

³⁹ Реньё Л. Повседневная жизнь отцов-пустынников IV века. С. 126.

⁴⁰ Анализ значений термина «λογισμός» в памятниках ранней монашеской письменности см.: Войтенко А.А. Египетское монашество в IV в.: Житие преп. Антония Великого, Лавсаик, История монахов. М., 2012. С. 259–268.

⁴¹ Ср.: Древний патерик, 7.35, 11.38.

⁴² Интересные замечания о борьбе с помыслами см.: Harmless W. Desert Christians: an introduction to the literature of early monasticism. P. 229–232.

мог предстоять Богу в тишине кельи в целокупности своих душевных и телесных чувств.

Особое внимание среди прочих составляющих внутреннего келейного делания отцы пустыни уделяют молитве (ή προσευχή). Основная форма молитвы, помимо псалмопения, заключалась, очевидно, в повторении кратких фраз из Священного Писания, переходящих в краткие молитвенные воззвания. Образцы некоторых из таких воззваний дошли до нас:

«Некоторые спросили авву Макария, говоря: как нам должно молиться? Старец отвечает им: не нужно многословить, но часто воздевать руки и говорить: Господи, как Ты хочешь и как знаешь, помилуй! Если же нападет искушение, говори: Господи, помоги! И Он знает, что нам полезно, и так поступает с нами»⁴³.

Сходный пример — произнесение в качестве молитвы стиха «Боже, обратись на помощь мне, Господи, поспеши помочь мне» (Пс. 69, 2) — приводит прп. Иоанн Кассиан⁴⁴. Он же замечает, что эта молитва «объемлет все чувства, какие могут быть отнесены к человеческой природе, и вполне подходящим образом может быть приложена ко всякому состоянию и ко всем ситуациям»⁴⁵. Из данных примеров становится видно, что краткая молитва применялась пустынноиками в любой жизненной ситуации, так что вся их жизнь могла быть обращена в непрестанную молитву. К этой непрестанной молитве был направлен весь строй их духовной жизни. И именно в опыте такой молитвы они обретали подлинное безмолвие.

Таким образом, уже в недрах египетской пустыни, задолго до поздневизантийских исихастов, была осознана глубинная связь между безмолвием и непрестанной молитвой. Это позволяет нам констатировать еще одну грань в их учении о пребывании в келье — восприятие кельи как прежде всего места молитвы, как «лаборатории непрестанной молитвы»⁴⁶, актуализирующей в себе все вышеперечисленные делания.

⁴³ Древний патерик, 12.11.

⁴⁴ См.: *Иоанн Кассиан Римлянин, прп. Собеседования*, 10.10–11 // Творения догматико-полемического и аскетического. М., 2020. С. 554–560.

⁴⁵ *Иоанн Кассиан Римлянин, прп. Собеседования*, 10.10 // Там же. С. 555.

⁴⁶ *Каллист (Уэр), еп. Диоклийский. Внутреннее Царство*. С. 117.

Монашеская келья как место встречи с Богом

Завершая рассмотрение внутренней стороны келейного пребывания египетских пустынников, мы остановимся еще на одном аспекте этой темы — на представлении о келье как месте встречи с Богом. Это представление было распространено в монашеской среде и свое наилучшее выражение получило в следующей апофтегме:

«Старец сказал: келья монаха есть Вавилонская пещь, где три отрока нашли Сына Божия, и столп облачный, откуда говорил Бог с Моисеем»⁴⁷.

Это емкое образное изречение, содержащее очевидные аллюзии на теофанические эпизоды Ветхого Завета, суммирует в себе всю суть учения о значении келейного пребывания в жизни монаха, как оно зафиксировано в «Arophthegmata». Келья здесь предстает как средоточие Богоприсутствия, открывается как «дом молитвы, святилище и место встречи человека с Богом»⁴⁸ лицом к лицу, подобно тому, как Бог явил Себя Моисею и трем отрокам в пещи Вавилонской.

О том, что этот опыт был далеко не единственный, свидетельствуют параллели этому изречению, находимые в других памятниках ранней монашеской письменности (в частности, в рассмотренном нами в предыдущей статье трактате Павла Таммского «О келье»). Анализируя этот опыт, мы можем понять, какой «рай» боялся потерять авва Исидор, покинув свою келью⁴⁹. Это был рай боговедения и богообщения, рай богооткровения, рай тайной (μυστηκή) встречи человека с Богом. Прямым следствием этого опыта стала «сакрализация» келейного пространства, отразившаяся в архитектуре монашеских жилищ и их расположении в пустыне⁵⁰.

Таковы основные интуиции осмысления практики пребывания монаха в келье в «Arophthegmata Patrum». Надо сказать, что богатое духовное учение египетских подвижников оказало впоследствии

⁴⁷ Древний патерик, 7.44.

⁴⁸ *Каллист (Уэр), еп. Диоклийский*. Внутреннее Царство. С. 118.

⁴⁹ См.: Древний патерик, 4.23.

⁵⁰ См. об этом: *Hedstrom D.L.B.* Divine architects: Designing the monastic dwelling place // *Egypt in the Byzantine World, 300–700*. New York, 2007. P. 369–370; *Idem*. The Geography of the Monastic Cell in Early Egyptian Monastic Literature // *Church History*. 2009. № 4 (78). P. 758–759.

колоссальное влияние на всю восточную монашескую духовность, и в частности на осмысление темы пребывания в келье в других монашеских традициях (палестинской, афонской). Яркие образные формулировки, с помощью которых «Aprothegmata» говорит о значении пребывания в келье для духовной жизни монаха, до сих пор остаются наиболее полным и емким выражением «богословия кельи» восточных отцов. В этом — непреходящее значение «Изречений» для восточной монашеской традиции в целом и для рассмотренной нами темы в частности.

Источники

Aprothegmata Patrum // PG. T.65. Paris, 1864. Col.75–440.

Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2005.

Древний патерик, изложенный по главам. 3-е изд. М.: Правило веры, 2009.

Житие преподобного Антония, описанное святителем Афанасием Великим в послании к инокам, пребывающим в чужих странах // *Афанасий Великий, свт.* Творения: В 4 т. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. 3. С. 178–250.

Иоанн Кассиан Римлянин, прп. Творения догматико-полемическое и аскетические. М.: Сибирская благовонница, 2020. (ПСТСО. Т. 11).

Литература

Войтенко А.А. Египетское монашество в IV в.: Житие преп. Антония Великого, Лавсаик, История монахов. М.: ЦЕИ РАН, 2012.

Еськов К.С. Философско-антропологический анализ доктрины о молитве древних православных египетских монахов. «Μελέτη τῶν γραφῶν» как прототип Иисусовой молитвы // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. № 23 (166). Вып. 26. С. 219–227.

Иоанн (Пахачев), иером. Пребывание в келье как элемент аскетической практики и духовного учения египетского монашества IV–V вв. // Труды Коломенской духовной семинарии. Вып. 12. Коломна: Лига, 2018. С. 144–157.

Каллист (Уэр), еп. Диоклийский. Внутреннее Царство / Пер. с англ. Киев: Дух і літера, 2003.

Лурье В.М. Призвание Авраама: идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб.: Алетейя, 2000.

- Реньё Л.* Повседневная жизнь отцов-пустынников IV века / Пер. с франц., вступ. ст., послесл. и коммент. А.А. Войтенко. М.: Молодая гвардия, 2008.
- Gould G.* The Desert Fathers on Monastic Community. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Harmless W.* Desert Christians: an introduction to the literature of early monasticism. New York: Oxford University Press, 2004.
- Hedstrom D.L.B.* Divine architects: Designing the monastic dwelling place // Egypt in the Byzantine World, 300–700. N.Y.: Cambridge University Press, 2007. P. 368–389.
- Hedstrom D.L.B.* The Geography of the Monastic Cell in Early Egyptian Monastic Literature // Church History. 2009. № 4 (78). P. 758–759.

Hieromonk John (Pakhachev)

MA in Theology, Secretary of the Academic Council,
Senior Lecturer at the Theology Department of the Kolomna Theological Seminary
140406, Moscow Region, Kolomna, Golutvinskaya Street, 11,
Kolomna Theological Seminary
john-hieromonk@mail.ru

For citation: John (Pakhachev), hieromonk. «Meaning of staying in Cell for spiritual life of the Monk in the teaching of “Apophthegmata Patrum”». Diakrisis. 2020. № 1 (5). С. 128–141. DOI:10.54700/diakrisis.2020.1.5.006.

Abstract

This article contains an analysis of some aspects of the idea, that prevailed in early Egyptian monasticism, about spiritual significance one of the ascetic practices – the monk’s sitting in the cell. It’s known that the cell occupied an exclusive position in the life of Egyptian hermits: their prayer life, exploits, and mystical contemplations were associated with it. Cell was perceived not only as earthly housing, but also as a sacred place, a place of meeting and communication with God. This exclusive attitude to the cell was reflected in the monuments of monastic literature, in particular, in the «Apophthegmata Patrum» considered in the article. Analyzing the work of monastic literature, the author of the article seeks, firstly, to identify and reveal the key elements of the tradition of comprehension of sitting in the cell, and, secondly, to find in the views of the studied authors individual traits, those are unique to them, and show the relationship of these elements with each other.

Keywords: Cell, Early monasticism, Monastic literature, Egypt, Apophthegmata Patrum.